

Станислав Лем

Несчастный случай

*Часть сборника
Рассказы о пилоте Пирксе
(сборник)*

Пилот Пиркс

Станислав Лем
Несчастный случай

«АСТ»

1965

Лем С.

Несчастный случай / С. Лем — «АСТ», 1965 — (Пилот Пиркс)

«Анел не вернулся в четыре, но этого как будто никто и не заметил. Около пяти уже начинало темнеть, и Пиркс, не столько обеспокоенный, сколько удивленный, хотел спросить Крулля, что это значит, но сдержался – он не был руководителем группы, и подобные вопросы, вполне законные и абсолютно невинные, могли вызвать нарастающую лавину взаимных придирок. Он прекрасно знал, как это происходит: подобное повторялось не раз, особенно когда коллектив был с бору по сосенке...»

© Лем С., 1965

© АСТ, 1965

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Станислав Лем

Несчастный случай

1

Анел не вернулся в четыре, но этого как будто никто и не заметил. Около пяти уже начинало темнеть, и Пиркс, не столько обеспокоенный, сколько удивленный, хотел спросить Крулля, что это значит, но сдержался – он не был руководителем группы, и подобные вопросы, вполне законные и абсолютно невинные, могли вызвать нарастающую лавину взаимных придирок. Он прекрасно знал, как это происходит: подобное повторялось не раз, особенно когда коллектив был с бору по сосенке. Три человека абсолютно разных профессий в сердце гор, на никому не нужной планете, выполняющие задание, которое, пожалуй, все, включая его самого, считали бессмысленным. Их привезли на маленьком старом гравистате, которому предстояло остаться здесь навсегда, – все равно он годился только на слом; вместе с ними доставили разборный алюминиевый дом, немного приборов и радиостанцию столь преклонного возраста, что от нее было больше хлопот, чем проку; за семь недель им предстояло завершить «общую реконсцировку», словно это было возможно. Пиркс никогда бы не стал этим заниматься, понимая, что речь идет лишь о расширении района исследований, производимых разведывательной группой, да еще об одной циферке в отчетах, которыми пичкали информационные машины на базе. Это, вероятно, могло иметь некоторое значение при распределении средств, людей и мощностей на следующий год. И ради того, чтобы на лентах памяти появилась трансформированная в дырочки цифра, они без малого пятьдесят дней сидели на пустом месте, которое при других обстоятельствах, может, и было бы привлекательным, хотя бы с точки зрения альпинизма. Однако наслаждаться альпинизмом было, разумеется, строгойше запрещено, и самое большее, что мог сделать Пиркс, это во время сейсмических и триангуляционных измерений рисовать в своем воображении трассы восхождений.

У планеты даже не было собственного имени, и в каталогах она числилась как Йота дробь 116, дробь 47 проксимы Водолея. Она походила на Землю больше, чем любая из всех, какие Пиркс когда-либо видел: маленькое желтое солнце, соленый океан, свекольно-зеленый от трудолюбивых водорослей, насыщающих атмосферу кислородом, да огромный трехлапый континент, покрытый первобытной растительностью. Планета прекрасно подходила бы для колонизации, если бы не ее солнце типа G новооткрытой разновидности VII, неустойчивое, с неравномерным излучением; ну а коль скоро астрофизики наложили вето, то, если даже очередная вспышка Новой ожидалась лишь через сто миллионов лет, все планы освоения этой земли обетованной приходилось перечеркнуть.

Пиркс порой каялся, что поддался уговорам и принял участие в экспедиции, но это было не очень искреннее раскаяние. Так или иначе, ему пришлось бы торчать на базе три месяца: потому что попасть в Солнечную систему раньше было невозможно. Его ждали подземные климатизированные сады базы и отупляющие телевизионные передачи с развлечениями по меньшей мере десятилетней давности, поэтому он охотно откликнулся на предложение начальника, который, со своей стороны, радовался, что может удружить Крулля, – ни одного свободного человека не было, а посылать в экспедицию только двоих инструкция запрещала. Таким образом, Пиркс свалился космографу на голову как манна небесная. Впрочем, Крулль не проявил восторга ни сразу, ни потом; вначале Пиркс даже думал, что тот расценивает его поступок как «барский каприз», коль он из командира корабля согласился стать рядовым разведчиком; казалось, что Крулль чувствовал скрытую обиду. Однако это не была обида, просто, прожив полжизни – ему уже перевалило за сорок, – Крулль стал желчным, словно его кормили одной

---

¹ Wypadek, 1965. © Перевод. Е. Вайсброт, 1993

полюнью. А поскольку в изолированном от мира коллективе ничего нельзя скрыть и люди со всеми своими достоинствами и недостатками становятся прозрачными как стекло, Пиркс быстро понял, откуда в характере Крулля, вообще-то выдержанного, даже твердого человека, эта задиристость – ведь за плечами Пиркса было больше десяти лет внеземной службы. Просто Круль стал не тем, кем хотел, а тем, кем вынужден был стать, поскольку для взлелеянной в мечтах работы не годился. А в том, что когда-то он хотел стать не космографом, а интеллектроником, Пиркс убедился, видя, как категорично высказывается Круль в беседах с Массеной, стоит разговору перейти на интеллектронные темы; Круль говорил «интеллектральные» – как требовал профессиональный жаргон.

Массене, к сожалению, недоставало терпимости, а может, ему просто плевать было на мотивы, которыми руководствовался Круль; во всяком случае, если тот настаивал на каком-либо ошибочном решении, Массена не ограничивался простым отрицанием его правоты, а, взяв в руки карандаш, укладывал Крулля на обе лопатки с помощью безукоризненных математических расчетов и добивал с таким удовольствием, словно для него важнее было доказать не собственную правоту, а то, что Круль – самоуверенный осел. Но это было не так. Круль был не самоуверенным, а просто человеком с повышенной чувствительностью, как всякий, честолюбие которого несоизмеримо со способностями.

Пиркс, бывший невольным свидетелем одного из таких разговоров – впрочем, трудно было этого избежать, поскольку они втроем жили на сорока квадратных метрах, а звукоизоляция перегоронок была сплошной фикцией, – знал, чем это кончится. И точно, Круль, который не смел показать Массене, как сильно подействовало на него поражение, всю неприязнь перенес на Пиркса, впрочем, в весьма своеобразной форме: перестал с ним разговаривать, кроме случаев, когда это было необходимо.

Тогда он сошелся с Массеной – с этим черноволосым и светлоглазым холериком и впрямь можно было подружиться, – но Пирксу всегда было нелегко с холериками, в глубине души он им не очень-то доверял. С Массеной вечно что-то случалось: он требовал, чтобы ему посмотрели в горло, обещал перемену погоды, потому что кости ломит (никаких перемен не происходило, но он все равно продолжал их предсказывать), утверждал, что страдает бессонницей, и каждый вечер демонстративно искал таблетки, которые почти никогда не глотал, – просто на всякий случай клал их рядом с постелью, а утром клялся Пирксу, который, допоздна засиживаясь над книжкой, прекрасно слышал его храп, что всю ночь глаз не сомкнул, и, сдается, сам в это верил. Но помимо этого он был отличным специалистом и блестящим математиком с организаторскими способностями, которому поручали текущее программирование автоматической разведки. Одну из таких программ он взял с собой для разработки «в свободную минуту», а Круль страдал, видя, что Массена очень быстро и хорошо делает свое дело и у него действительно остается много времени; поэтому не было оснований для претензий, что-де он не исполняет своих обязанностей как следует. Массена подходил им еще и потому, что, как это ни парадоксально, в их планетологической микроэкспедиции не было ни одного настоящего планетолога – ведь и Круль не был планетологом. Удивительно все-таки, до чего неудачно могут сложиться взаимоотношения трех достаточно нормальных людей в такой скалистой пустыне, какую представляло собой Южное нагорье Йоты!

Был в этом коллективе и еще один член – уже упоминавшийся Анел, или Автомат Нелинейный, одна из новейших моделей с высоким уровнем самостоятельности, изготовлявшихся на Земле для исследовательской работы именно в таких условиях. Массена вошел в группу в качестве кибернетика – это была лишь дань устаревшей традиции, правила предусматривали, что при автомате должен быть кто-то, способный в случае необходимости его отремонтировать. Так продолжалось уже добрый десяток лет – как известно, правила меняются не слишком часто, – но Анел, о чем не раз говорил сам Массена, в случае необходимости мог «отремонтировать» самого кибернетика, и не только по причине своей абсолютной безотказности,

но и потому, что обладал элементарными познаниями в медицине. Пиркс давно заметил, что человек подчас легче познается в его отношении к роботам, чем к людям. Его поколение жило в мире, неотъемлемую часть которого наряду с космическими кораблями составляли автоматы, но мир автоматов был окутан неким налетом иррационализма. Некоторым легче было полюбить обычную машину, скажем, собственный автомобиль, чем машину мыслящую. Период широкого экспериментаторства конструкторов уже подходил к концу – по крайней мере казалось, что это так. Создавали автоматы только двух типов: универсальные и узкого назначения. Лишь небольшой группе универсальных придавали формы, похожие на человеческое тело, да и то потому, что из всех опробованных конструкций заимствованная у природы оказалась самой безотказной, особенно в тяжелых условиях иных планет.

Нельзя сказать, чтобы инженеры очень обрадовались, когда их детища начали проявлять самостоятельность, которая помимо воли наводила на мысль о духовной жизни. В принципе считалось, что автоматы мыслят, но «не имеют индивидуальности». Действительно, никто не слышал об автомате, который бы впадал в ярость, воодушевлялся, смеялся или плакал; они были в высшей степени уравновешенными, как того и желали конструкторы. Однако их мозги создавались не на монтажном конвейере, а путем постепенного выращивания монокристаллов, при котором всегда бывает не поддающийся управлению статистический разброс, – даже микроскопические смещения молекул вызывали такие конечные отклонения, что в принципе не существовало двух совершенно одинаковых автоматов. Итак, все-таки индивидуальности? Нет, отвечал кибернетик, результат вероятностного процесса; так же думал и Пиркс, и, пожалуй, каждый, кто часто общался с роботами и целыми годами мог наблюдать за их молчаливой, всегда целенаправленной, всегда логичной деятельностью. Конечно, они походили друг на друга гораздо больше, чем люди, но все же у каждого был свой норов, пристрастия, а встречались и такие, которые, исполняя приказы, организовывали что-то вроде «молчаливого сопротивления», – если это длилось долго, дело кончалось капитальным ремонтом.

У Пиркса, и наверняка не у него одного, в отношении этих своеобразных машин, так точно и подчас так творчески выполнявших задания, была не совсем чиста совесть. Может, это началось, еще когда он командовал «Кориоланом». Во всяком случае, то, что человек создал мыслящий орган вне собственного тела и сделал его зависящим от себя, Пиркс считал не вполне нормальным. Он, конечно, не мог сказать, откуда берется это легкое беспокойство, какое-то ощущение невыполненного долга, что ли, смутная мысль, что решение принято неправильно или попросту, грубо говоря, совершена пакость. Было какое-то изощренное коварство в холодном спокойствии, с каким человек запихивал добытые о себе знания в бездушные машины, присматривая за тем, чтобы не повысился уровень их одушевленности и они не стали конкурентами своего творца в познании прелестей мира. В приложении к сметливым конструкторам максима Гете «In der Beschränkung zeigt sich erst der Meister»² приобретала неожиданный смысл похвалы, переходившей в язвительный укор, ибо не себя решили они ограничить, но дело рук своих. Разумеется, Пиркс никогда не решался высказать вслух подобную мысль, потому что сознавал, как она смешно прозвучит; автоматы не были обездоленными, не были они и объектом безудержной эксплуатации, все проще и в то же время хуже – с моральной точки зрения сложнее для критики; их возможности ограничили раньше, чем они появились в чертежах.

...В тот день, накануне отлета, работы, собственно, были уже окончены. Однако, когда пересчитали ленты, на которых фиксировались результаты экспедиции, оказалось, что одной недостает. Просмотрели машинную память, перерыли все захоронки и ящики, причем Круль дважды советовал Пирксу осмотреть собственные вещи – от этого совета разило ехидством, потому что Пиркс вообще не имел никакого отношения к пропавшей ленте, да и не стал бы

² «Лишь в ограничении познается мастер» (нем.).

прятать ее в чемодан. У Пиркса язык зачесался – так ему захотелось ответить; тем более что до сих пор он обычно отмалчивался и старался находить любые оправдания вызывающему, даже оскорбительному поведению Крулля. Но он сдержался и на этот раз, заметив только, что, если необходимо повторить наблюдения, он охотно сделает это сам, взяв Анела в помощники.

Однако Круллер решил, что Анел обойдется без Пиркса; поэтому они навьючили на робота аппарат, кассеты с фотопленкой и, вложив в поясные футляры реактивные патроны, послали Анела к вершинам горного массива.

Робот вышел в восемь утра – Массена вслух высказал уверенность, что он управится с делами до обеда. Однако прошло два, три, четыре часа, наконец сгустились сумерки, но Анел не возвращался.

Пиркс сидел в углу и при свете лампы читал изрядно потрепанную книгу, которую взял на Базе у какого-то пилота, но почти ничего не понимал. Сидеть было не очень удобно. Рифленая алюминиевая стенка давила на спину, надувная подушка спустила, и он чувствовал, как сквозь прорезиненную ткань в тело врезаются острые гайки. Однако он не изменял положения – неудобная поза удивительно гармонировала с растущей в нем злостью. Ни Круллер, ни Массена до сих пор, казалось, не замечали отсутствия робота. Круллер, который отнюдь не был шутником и даже не пытался острить, непонятно почему с первого же дня упорно величал Анела Ангелом или даже Железным Ангелом, иначе к нему не обращался, и такая, по сути, мелочь уже столько раз раздражала Пиркса, что за одно это он невзлюбил космографа. У Массены отношение к роботу было профессиональное: все интеллектроники знают или, во всяком случае, делают вид, будто знают, какие молекулярные процессы и токи вызывают те или иные реакции или ответы автомата, и поэтому отвергают любые предположения об их разумности как абсолютную чушь. Тем не менее к Анелу он относился так же, как хороший механик к своему дизелю: не позволял перегружать, любил за исполнительность и заботился о нем, как мог.

В шесть терпение Пиркса лопнуло, у него занемела нога, и он стал потягиваться так, что трещали кости, шевелить ступней и сгибать ногу в колене, чтобы ускорить кровообращение, а потом принялся расхаживать из угла в угол, прекрасно зная, что это лучший способ досадить Круллю, погруженному в проверку вычислений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.